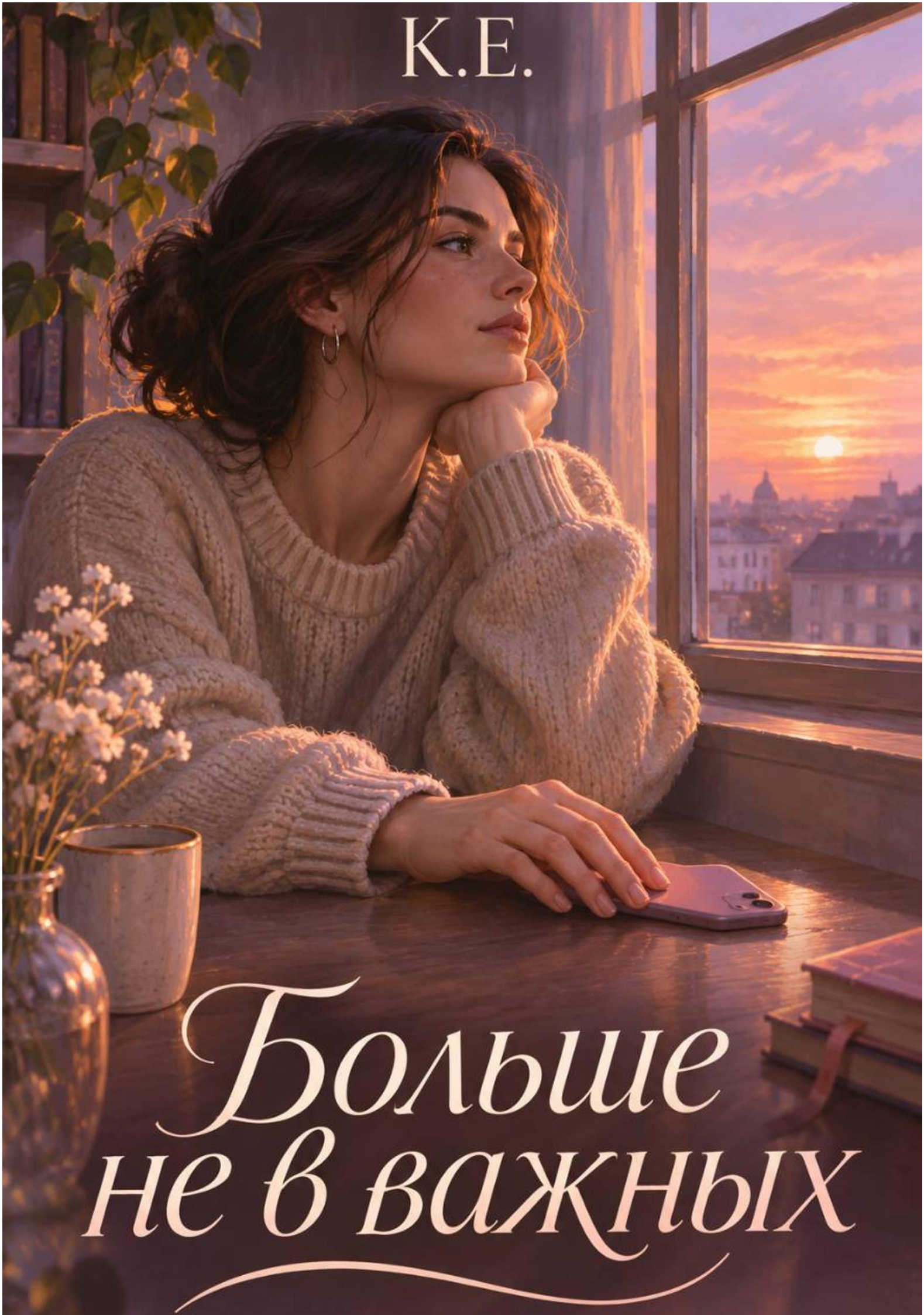

К.Е.
Больше не в важных

К. Е.

Больше не в важных

«Автор»
2026

Е. К.

Больше не в важных / К. Е. — «Автор», 2026

Восемнадцатилетняя Нина мечтает поступить на реставратора, работает в книжном кафе у моря и пытается забыть парня, рядом с которым привыкла молчать о самом важном.Но однажды её подруга исчезает, оставив телефон и записку: «Не отдавай Кириллу». Найденные фотографии связывают влиятельный благотворительный фонд с пожаром, разрушившим жизнь Нининого брата. Теперь у неё появляется шанс узнать правду — и слишком много причин никому не доверять.Особенно Льву. С ним легко смеяться, не страшно быть неловкой и хочется снова поверить в любовь. Только его семья тоже хранит тайну той ночи.Чем ближе Нина к разгадке, тем настойчивее её просят остановиться. Сможет ли она защитить близких, не отказавшись от собственного будущего? И решится ли выбрать человека, который может разбить ей сердце?

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Человек в списке 6
2. Номер тридцать семь 8
3. Копии 10
4. Мастерская на втором этаже 12
5. Чужая подпись 14
6. Место для руки 16
7. Праздничный двор 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

К. Е.
Больше не в важных

К. Е.
Больше не в важных
Роман

1. Человек в списке

Я удалила Артёма из важных контактов в тот момент, когда он стоял по другую сторону стекла и смотрел, как я это делаю.

Вообще-то он не мог видеть экран. С улицы в окне отражалось море, жёлтый автобус и кусок вывески нашего кафе. Но я всё равно повернула телефон к столу, будто меня застали за чем-то постыдным.

Артём постучал костяшкой пальца.

Я показала на дверь. Он закатил глаза: да знаю я, где дверь.

В июле Зареченск-на-море пах разогретыми водорослями. Посетители приносили этот запах на одежде, вместе с песком, который потом хрустел под ножками стульев. Мы с тётей Верой называли кафе «Поля» — и за книги вдоль стен, и за пространство, которое человеку иногда нужно оставить вокруг себя. Название придумала она. Я только нарисовала на меню смешную чайку.

Артём вошёл без песка. В чистых белых кроссовках, слишком нарядный для нашего тесного зала.

— Ты не ответила.

— Я работаю.

Он посмотрел на мой недопитый чай. Работы в семь вечера действительно было мало: учительница с углового столика ушла, туристы ещё не вернулись с причала. На кухне Вера считала булочки.

— В субботу приём у фонда. Мама просила передать, что приглашение в силе.

— Я уже отказалась.

— Нин, тебя никто не заставляет выступать. Просто придёшь. Все увидят, что всё нормально.

Я провела мокрой тряпкой по сухому столу.

В феврале, когда после пожара в типографии фамилию моего брата стали печатать без имени, Артём тоже хотел, чтобы всё было нормально. Он просил меня временно убрать наши общие фотографии. Не потому, что стыдился, объяснил он. Просто его мама руководит фондом, связанным с восстановлением квартала, и люди могут неправильно понять.

Я убрала фотографии. Потом он попросил не писать о брате. А в мае я наконец поняла, что места рядом с ним у меня хватает только на ту часть себя, которая ничего не требует.

— У Ильи завтра опять допрос, — сказала я.

— В качестве свидетеля.

— А ты бы хотел, чтобы я радовалась точной формулировке?

Артём поджал губы. Когда-то мне нравилось, как он молчит: спокойно, будто знает ответ и даёт мне самой до него дойти. Теперь я слышала, как в этой тишине кто-то закрывает дверь.

На стойке завибрировал другой телефон.

Соня оставила его у нас утром. Сказала: «Заряди, вернусь через час», сунула мне розовый аппарат с треснувшей защитной плёнкой и побежала к автобусу. Было десять. Сейчас часы показывали семь двадцать три.

На экране высветилось: «Кирилл Седов».

Я не взяла трубку. Артём взглянул на имя.

— Сонькин? Она у вас?

— Нет. Почему?

— Мама её ищет. У них волонтёрские списки пропали.

— Она опять взвалила на Соню работу взрослого сотрудника?

— Ты в любой фразе слышишь нападение.

Он сказал это негромко. Даже устало. На секунду мне захотелось объяснить, что я не нападаю, просто за день мы с Верой заработали столько, сколько стоил его ремень, и Илья уже четвёртый месяц не мог найти постоянную работу. Я знала этот соблазн: рассказать достаточно подробно, и тебя наконец поймут.

Вера вышла с противнем.

— Артём, дверь придержи. Курьеру неудобно.

За ним стоял парень с плоской коробкой на сгибе локтя. Чёлка прилипла к виску, на щеке была полоса чёрной краски. Велосипедный шлем он держал двумя пальцами.

— Переплётная мастерская. Заказ на Веру Андреевну.

— Лёв, ставь сюда. Руки отмыл бы.

— Я пытался. Они против.

Артём отступил, пропуская его, и снова повернулся ко мне.

— Не надо устраивать из субботы демонстрацию. Мама и Илье помогает, между прочим.

Вера перестала развязывать бечёвку.

— Артём. Булочку возьмёшь?

Он посмотрел на неё, и я увидела, что до него дошло: разговор окончен.

— Я напишу, — сказал он мне.

— Не обещай.

Вышло грубее, чем я собиралась. Он ушёл. В дверях всё-таки оглянулся, но я уже помогала курьеру снять с коробки мокрый от его ладони пакет.

Внутри лежала наша старая книга отзывов. Переплётчик заменил корешок, сохранив пятно от кофе на обложке. Я провела по нему пальцем.

— Хорошо сделали.

— Это не я. Я только портил материал под присмотром, — сказал Лев. — Глеб Савельич велел проверить, открывается ли до конца.

Я раскрыла книгу посередине. Между страницами лежал маленький конверт. На нём моей шариковой ручкой — я узнала сколотый почерк Сони — было написано: «Нине. Лично».

— Это тоже от вашего Глеба Савельича?

Лев покачал головой.

Я разорвала край. В конверте оказался бумажный билет из автомата хранения на автовокзале и записка.

«Если я не вернусь к закрытию, забери рюкзак. Не отдавай Кириллу. Пожалуйста, сначала посмотри фотографии. Соня».

На другом конце зала Вера включила кофемолку. Обычный шум показался настолько громким, что я вздрогнула.

— Что там? — спросила она.

Я протянула ей записку. Потом разблокировала Сонькин телефон. Пароль я знала: день рождения её собаки, умершей ещё в пятом классе. Мы смеялись над этим паролем, когда заполняли заявления на поступление.

Последняя фотография была сделана в подвале. Коробки, серый бетон, мужская рука с обручальным кольцом. На одной коробке чёрным маркером было написано: «Типография. Архив. 12.02».

Пожар случился тринадцатого февраля.

Я увеличила угол снимка и увидела там лист с фамилией брата.

2. Номер тридцать семь

Вера заперла кассу на полчаса раньше и написала на двери: «Откроемся завтра. Простите, очень надо». Последние три слова она добавила уже на улице, прижав бумагу к стеклу.

Соня не отвечала на сообщения в мессенджере. Телефон лежал у меня, но у неё был ещё старый ноутбук, и обычно она читала с него даже ночью. Её мама, работавшая посменно в санатории за городом, сказала, что Соня собиралась к двоюродной сестре.

— К Алисе? — уточнила я.

— Наверное. У неё же одна сестра. А что такое?

Вера взяла у меня трубку и объяснила без слова «пропала»: записка, чужие звонки, просьба забрать вещи. Пообещала сообщить, как только узнаем больше. Потом позвонила в полицию и повторила всё ещё раз.

Я стояла рядом и пыталась не сердиться на собственное облегчение. Будто с того момента, как взрослый человек записал имя Сони и время разговора, я имела право дышать.

Лев до сих пор ждал у велосипеда.

— Тебе же ехать, — сказала я.

— Могу проводить до вокзала.

— Зачем?

Он посмотрел на билет в моей руке.

— Потому что вы с Верой Андреевной обе без машины, а я всё равно в ту сторону. Но если мешаю, уеду.

Вера забрала у него коробку с книгой.

— Пойдём вместе. Велосипед привяжи.

На вокзале пахло хлоркой и варёной кукурузой. Табло обещало автобус в Верхние Сосны, задержанный на сорок минут. Соня ненавидела этот зал: здесь всегда было слишком жарко, даже зимой. Она сказала бы, что ожидание надо включать в стоимость билета отдельной строкой.

Автомат хранения стоял за киоском. Я набрала номер и код. Ячейка щёлкнула так буднично, словно внутри лежала забытая куртка.

Рюкзак был Сонин, с нашивкой в виде рассерженного лимона. Вера попросила меня сначала сфотографировать его на месте. Потом мы положили его на скамью в поле зрения охранника и расстегнули.

Футболка. Зарядка. Зубная щётка в пакете. Конверт из плотной бумаги. Старый студенческий пропуск Сони в колледж экономики.

— Она собиралась уехать, — сказала Вера.

В конверте лежали четыре листа, флешка и блокнот. Я не стала подключать флешку к вокзальному компьютеру, хотя первая мысль была именно такая — немедленно посмотреть всё.

На верхнем листе стояло: «Согласие собственников на участие в программе обновления». Дом двенадцать по Печатному переулку. Я знала этот дом. На первом этаже жила Рая Никитична, которая приносила нам книги в обмен на возможность сидеть у батареи.

Рядом с её фамилией была подпись. Очень ровная. Рая Никитична расписывалась совсем иначе: когда-то сломала правое запястье, и теперь рука у неё после второй буквы уходила вниз.

— Это может быть копия другого документа, — сказала Вера, когда я показала ей. — Не делай выводов по одной подписи.

Я кивнула, хотя внутри уже всё решилось. Фонд Артёмовой матери. Подписи. Типография. Илья. В голове получилась слишком аккуратная картинка, и я вцепилась в неё, как в поручень.

Лев стоял чуть в стороне. Только когда я перевернула второй лист, он придвинулся.

— Можно?

Это была копия акта отключения электричества в типографии. Дата — двенадцатое февраля. Внизу две подписи: моего брата и Дениса Рудина.

— Твой родственник? — спросила я.

Лев долго смотрел на лист.

— Отец.

Я вспомнила, что видела эту фамилию в материалах, которые Илья оставлял на кухне. Завхоз. Подтвердил, что после ухода электрика никто не работал.

— Он был там в ночь пожара?

— Не знаю.

Лев сказал это слишком быстро и сам поморщился.

— Правда не знаю, Нина. Он не рассказывал.

Вера вынула лист из моих рук и вернула в конверт.

— Обсудим дома. Сейчас нам надо найти Соню, а не виноватого.

На выходе ко мне подошёл мужчина в синей рубашке.

— Нина? Кирилл. Мы виделись на благотворительной ярмарке.

Я знала его. Седов переносил сцены, привозил коробки и так улыбался волонтёрам, будто каждый был его младшим родственником, немного глупым, но любимым.

— Вы забрали вещи Сони? Хорошо. Она опять перепутала личное со служебным. Давайте я заберу бумаги, а вы ей рюкзак передадите.

Он протянул руку. Я отступила на полшага.

— Соня просила не отдавать.

Улыбка осталась, только лицо под ней стало неподвижным.

— Она испугалась неприятностей. Такое бывает, когда человек берёт то, что ему не принадлежит.

Вера встала рядом со мной.

— Тогда обратитесь официально. Мы сейчас тоже этим займёмся.

Седов посмотрел на неё, на Льва, на охранника у рамки.

— Разумеется. Просто хотел помочь.

Он ушёл к парковке. Лев не пошёл за ним, хотя я заметила, как он сжал велосипедный шлем.

— Откуда он знал, что мы здесь? — спросила я.

Никто не ответил.

На улице я достала телефон и увидела сообщение Артёма: «Ты на вокзале? Кирилл рядом, он поможет».

Двадцать минут назад я сама написала ему: «Соня оставила вещи в камере хранения. Ты знаешь Алису?»

Я вдруг почувствовала себя очень глупой. Это было хуже страха.

3. Копии

Мама встретила нас в халате поверх формы. Она работала в больничной лаборатории и после ночной смены спала так крепко, что мы с Ильёй научились открывать дверь ключом без звука. Сегодня не получилось.

— Сначала сядьте, — сказала она, услышав про Соню.

Мы сели за кухонный стол. Лев остался у порога, пока мама не поставила перед ним четвёртую чашку.

Я разложила бумаги. Вера объясняла, что уже сообщила дежурному, а я всё время лезла вперёд: вот подпись, вот дата, вот фотография. Мама слушала, удерживая ладонью ручку чайника.

— Илье звонила?

— Он в мастерской, не берёт.

— Потому что там нельзя с телефоном возле станка. Не потому, что с ним что-то случилось.

Она произнесла это прежде всего для себя.

По совету знакомой Веры, адвоката Марины Орловой, мы сфотографировали содержимое рюкзака и отдельно записали, где и во сколько его забрали. Оригиналы сложили обратно. Вера договорилась с Мариной встретиться утром. Телефон Сони положили рядом: трещина в розовом стекле теперь казалась мне чем-то вроде перелома, который нельзя трогать.

— Я не хочу, чтобы вы копались в её личном, — сказала мама.

— А если там подсказка?

— Тогда пусть посмотрят те, кому она разрешит. Или те, кто имеет на это право. Ты открыла фотографии, потому что она попросила. На этом пока остановись.

Я рассердилась. Не на маму — на то, что она оказалась права.

Лев сидел, опустив глаза в чай. Когда мама ушла звонить Илье, я спросила:

— Ты знал про акт?

— Видел его после пожара.

— И?

— И спросил отца, подписывал ли он. Он сказал да.

— Тебе этого хватило?

Лев поднял голову.

— А тебе Илья всё рассказывает?

Я открыла рот и закрыла.

Илья не рассказывал, что ночью просыпается от запаха нагретой пыли в батарее. Я слышала, как он ходит по квартире. Не рассказывал, что отнёс на продажу свой фотоаппарат. Узнала по пустой полке. И про работу за наличные мама тоже узнала случайно, когда он обжёг ладонь.

— Извини, — сказала я.

— Не за что. Я тоже мог спросить ещё раз.

У него на левой руке, между большим и указательным пальцем, была старая полоска шрама. Он тёр её ногтем, когда молчал.

— Откуда это?

— Бумага.

Я посмотрела с недоверием.

— Стопка картона. Упала ребром. Очень героическая история.

Я впервые за вечер почти улыбнулась.

Илья пришёл в десять. Запах машинного масла вошёл раньше него. Он взял листы, пробежал глазами и сел на свободный табурет.

— Моей подписи на этом акте нет.

— То есть подделка? — я привстала.

— То есть это копия, на которой плохо видно. Я подписывал другой документ. Окончание работ на распределительном щите. В шесть двадцать вечера. Не полное обесточивание здания.

Он говорил ровно. На костяшке у него засохла кровь, совсем маленькая точка.

— А ты говорил об этом следователю?

— Четыре раза.

Мне стало жарко от стыда. Всё лето я представляла, что взрослые просто не заметили очевидное, а я приду и покажу. Илья уже показывал. Стоял в очередях, писал заявления, платил адвокату, которого мы не могли себе позволить.

— А почему тогда ничего?

— Потому что надо найти оригиналы, установить, кто и что подключал, получить экспертизу. Нин, это не задача с ответом на обратной стороне.

Лев поднялся.

— Я поговорю с отцом.

Илья впервые внимательно посмотрел на него.

— Рудин?

— Да.

— Не дави на него. Пусть с адвокатом разговаривает.

Я ожидала злости. Илья только потёр лицо ладонями.

У подъезда я отдала Льву шлем. Он забыл его на подоконнике.

— Я завтра в мастерской до трёх, — сказал он. — Если нужно будет найти Глеба Савельича. Насчёт конверта.

— Точно. Как он оказался в книге?

— Соня приносила ему бумаги на ремонт. Но лучше он сам объяснит.

Над двором зажглась лампа. В её свете краска у Льва на щеке оказалась зелёной, не чёрной.

— У тебя тут, — я показала пальцем.

Он провёл рукавом по другой щеке.

— Нет. Слева.

— У меня слева или у тебя?

Я засмеялась, неожиданно и некстати. Он тоже улыбнулся, с облегчением.

Потом у меня в кармане завибрировал телефон. Сообщение пришло с незнакомого номера.

«Я в безопасности. Не звони маме с подробностями. Завтра свяжусь через Марину Орлову. С.»

Я показала Льву экран.

— Это она?

— Не знаю, — ответил он. — Давай проверим через Марину.

Мне понравилось, что он не сделал вид, будто знает.

4. Мастерская на втором этаже

Глеб Савельич не любил посетителей с кофе.

— Даже закрытый стакан, — сообщил он, заметив мой. — Особенно закрытый. Его ставят рядом с книгой и забывают, что внутри жидкость.

Я допила на лестнице, обожгла язык и вошла снова.

Мастерская занимала две комнаты над ремонтом обуви. В одной стоял пресс, похожий на приспособление для пыток, в другой сушились листы с размытыми чернилами. На стене висел календарь трёхлетней давности. Глеб Савельич заметил мой взгляд.

— Там хорошая сова. Дни я и без неё знаю.

Лев работал у окна. Рубашка на нём была застёгнута неровно: одна пуговица ушла мимо. Я решила не говорить.

Глеб Савельич выслушал меня, не перебивая. Потом достал журнал приёма.

— Соня принесла книгу отзывов вчера в половине шестого. Вера Андреевна передала через неё. Я поменял корешок, она попросила вложить конверт. Сказала, подарок.

— А бумаги на ремонт?

— Несколько слипшихся квитанций. Намочила, по её словам. Я объяснил, что сначала просушить, никакого утюга. Она забрала. Больше ничего не оставляла.

Он показал запись с датой. Я сфотографировала её с разрешения. Ещё одно место, ещё один человек, который видел Соню до того, как мне стало страшно.

Марина позвонила прямо в мастерскую. Соня действительно была у Алисы. Они поговорили по видеосвязи; Марина передала сведения полиции и её матери. Подробности Соня пока просила оставить между ними.

Я прижала телефон к уху.

— Почему со мной не может поговорить?

Марина ответила не сразу.

— Потому что сейчас она решает, кому и что готова рассказать. И потому что вчера ты передала Артёму место, где находились её вещи.

Я увидела себя в стекле шкафа — обиженную, с открытым ртом.

— Я же не знала.

— Знаю. Это не наказание, Нина. Она напугана.

После звонка я долго теребила край чека. Лев отнял у меня его, когда чек начал рассыпаться на мелкие кусочки.

— Хочешь поколотить картон? Мне надо сгибы размять.

— Ты так всех утешаешь?

— Только тех, кто мусорит на рабочем месте.

Он положил передо мной обрезок, показал костяную палочку, которой нужно было пройти по линии сгиба. Я нажала слишком сильно и продавила верхний слой.

— Вот поэтому я пока только сдаю вступительные, — сказала я.

— А я уже полгода здесь и всё ещё делаю вот так.

Лев вытащил из ведра кривую заготовку. На ней карандашом было написано: «Рудину на память».

Мы работали минут двадцать. Я рассказывала, как выбрала реставрацию: нашла в бабушкиной книге засохший лист и попыталась вытащить, оторвав вместе с ним половину страницы. Потом искала, как исправить. Лев слушал, не вставляя советов. Это оказалось непривычно.

— А ты почему здесь?

— Потому что тут понятно, что сделал плохо.

— Удобно.

— Нет. Ужасно. Прятаться негде.

Он улыбнулся, но я услышала за фразой что-то ещё.

В обед пришёл его отец.

Я узнала Дениса Рудина по фотографии в районной газете: приземистый мужчина с густыми бровями. На фото он держал пожарный рукав на учениях. Теперь у него в руках был пакет с хлебом.

Он остановился, увидев меня.

— Здравствуйте, — сказала я. — Я Нина Соколова.

Он посмотрел на сына.

— Я догадался.

Глеб Савельич убрал нож подальше от края стола.

— Денис, чай будешь?

— Нет. Лёва, выйдем.

Они спустились на лестницу. Через открытую дверь я слышала только отдельные слова: «не лезь», «сам разберусь», «я тебе сказал». Глеб Савельич сделал радио громче.

Когда Лев вернулся, у него покраснела шея.

— Он не готов разговаривать.

— Со мной?

— Ни с кем.

Я убрала испорченный картон в сумку.

— Нина, — окликнул он. — Я не говорил, что он ничего не сделал.

— Я знаю.

— Но и что сделал, я тоже не знаю.

В тот день мне хотелось простых людей: плохих отдельно, хороших отдельно. Удобных для ответа на вопрос, с кем можно остаться в комнате.

Лев стоял между прессом и окном. И не помещался ни в одну из приготовленных мной клеток.

5. Чужая подпись

Рая Никитична не удивилась нашей просьбе. Она удивилась, что мы пришли без пирожков.

— С вопросами всегда приносят еду. Иначе это допрос.

Вера поставила на стол пакет.

— С капустой. Не острые.

— А я, может, люблю острые.

В комнате было так много растений, что окно казалось входом в другой климат. Рая Никитична пододвинула к себе фотографию листа согласий и надела очки поверх других очков, свисавших на цепочке.

— Это не моё, — сказала она.

Я выдохнула слишком громко.

— Вы готовы это подтвердить?

— Подтвердить что? Что я не подписывала эту бумагу? Готова. А ту, другую, подписывала.

— Какую другую?

Она принесла папку из шкафа. В ней лежали квитанции, рецепты и лист с заголовком «Заявка на обследование жилого помещения». Лидия Ветрова собирала такие заявления весной: обещала проверить трещины, составить смету, помочь пенсионерам.

На второй странице была подпись Раи Никитичны, уходящая вниз.

— Мне сказали: на расселение пока никто не согласен, это только обследование. Я и квартиру-то эту без соседей не представляю. Чего мне с вашими новыми лифтами делать? С лифтом разговаривать?

Вера попросила разрешения снять копию для адвоката. Я заметила, что у заявления верхняя страница была прикреплена новой скобой, а внизу оставались две старые дырочки.

Я потянулась показать, но остановилась. Книга, бумага, скобы — это ещё не преступление. Я слишком хотела оказаться полезной и уже устала ловить себя за руку.

— У вас экземпляр был сразу из двух страниц? — спросила я.

— Да. Только они уносили его к машине. Говорили, копию сделают.

— Кто они?

— Девочка в синем и Кирилл этот. Девочка хорошая. Всё мне стул подставляла.

Соня.

Мы вышли в подъезд, и я остановилась на лестнице.

— Она могла сама собирать эти подписи.

— Могла, — сказала Вера.

— И не знать.

— Или узнать позже.

Я посмотрела на выщербленную ступеньку. Соня называла фонд своей первой настоящей работой. Ей платили немного, чаще обещали рекомендацию и полезные знакомства. Она носила синий жилет, приходила после обходов сердитая и гордая: взрослые наконец поручали ей что-то серьёзное.

Я думала, что ей просто нравится значок на груди.

Возле дома двое рабочих прикручивали к ограде плакат о будущем квартале. На картинке из окон росли одинаковые зелёные кусты, а люди шли так, будто у всех одновременно наступил отпуск.

Вера остановилась у объявления о встрече жителей с представителями фонда. Суббота, двенадцать часов, двор бывшей типографии.

— До приёма вечером ещё поговорят с жильцами, — сказала она.

— Мы пойдём?

— Я пойду. Ты работаешь до двух.

— Вера.

— Смена сама себя не отработает, Нин. Илье нужен адвокат, нам нужна аренда. Мы не можем отменить жизнь, пока выясняется правда.

На обратном пути я купила клей для папок. Дома открыла портфолио: обложки, рисунки, описание двух работ. Вступительное испытание было через неделю. Я прочла первое предложение своего мотивационного письма и не узнала девушку, которая его написала. Она так уверенно объясняла, почему хочет учиться.

Позвонил Артём.

Я ответила, потому что хотела услышать объяснение.

— Ты сдал меня Кириллу, — сказала я.

— Я не сдавал. Он координирует волонтёров. Конечно, я сообщил, где вещи.

— Вещи Сони. Не твои.

— Нина, ты сейчас с кем-то советуешься? С этим курьером?

— С адвокатом.

Он помолчал.

— Хорошо. Тогда ты должна понимать: не всё, что Соня сфотографировала, означает то, что ей кажется.

— А что она сфотографировала?

Он не ответил сразу, и я услышала, как у него рядом работает кондиционер. Тот самый, который гудел всю ночь в их гостиной, когда я оставалась до последнего автобуса.

— Пусть она вернёт документы. И всё закончится.

Я закрыла папку с портфолио.

— Что именно закончится, Артём?

Он сказал, что я снова придираюсь к словам, и отключился первым.

6. Место для руки

В пятницу в кафе сломался кран, и на два часа главным подозреваемым в моей жизни стал сантехник, который обещал быть через десять минут.

Вера уехала с рюкзаком к Марине. Оригиналы собирались передать официально, вместе с объяснением, откуда они взялись. Мне она оставила ключи и список: молоко, салфетки, не пускать никого на кухню в уличной обуви.

Лев появился без коробок.

— Книга нормально открывается?

— Ты ради этого пришёл?

— Ещё за булочкой. Но могу уйти с одним ответом.

Я провела его на кухню, потому что он сказал, что умеет менять прокладки в кране. Уличную обувь мы сняли оба. Он стоял на коленях в носках с дурацкими апельсинами, а я держала фонарик и находила в списке Веры новые основания для угрызений совести.

— Не тот угол, — сказал он. — Ты мне в глаз светишь.

— Зато вижу, что глаз у тебя есть.

Он засмеялся и ударился затылком о раковину.

Кран он не починил. Перекрыл воду до прихода мастера и честно признал, что дальше не умеет. Я сделала ему холодный кофе из запасов, принесла две булочки. Мы сели на пол у открытой задней двери: в зале были посетители, но отсюда стойку было видно, и дверь звякала при каждом входе.

— Отец опять приходил, — сказал Лев, отрывая край бумажной формы.

— Ругаться?

— Просил не встречаться с тобой.

Я уставилась на его носки.

— Мы не встречаемся.

— Я тоже сказал. Очень убедительно, наверное.

Он смотрел на двор, давая мне возможность не отвечать.

В переулке женщина развешивала простыни. Они закрывали и открывали кирпичную стену, и от этого казалось, что дом дышит. Мне нравилось, что Лев не заполнял каждую паузу. Но сейчас я боялась, что тишина заставит меня сказать лишнее.

— Он думает, я использую тебя, чтобы добраться до него?

— Думает, мы все хотим найти одного человека, на которого можно свалить пожар.

— А ты?

— А я видел, как он после февраля спит на кухне, потому что в спальне у нас обогреватель. Хотя он выключен.

Я вспомнила Илью у нашей батареи. Сочувствие к Денису Рудину показалось изменой брату. Я не знала, куда его деть.

— Это ничего не доказывает, — сказала я.

— Я понимаю.

Мы допили кофе. Я потянулась за пустым стаканом, и наши пальцы встретились. Лев не схватил мою руку, не превратил случайное движение в событие. Просто задержал пальцы рядом. У меня оставалась целая секунда, чтобы отодвинуться.

Я не отодвинулась.

Из зала позвали:

— Девушка! У вас чай будет или как?

— Будет, — отозвалась я и вскочила.

У стойки стоял мужчина в белой панаме. Он хотел чёрный чай, без лимона, с лимоном отдельно, и ещё выяснить, почему в книжном кафе нельзя курить у открытого окна. Когда я вернулась на кухню, Лев уже убрал стаканы.

— Завтра после смены можем пройтись, — сказал он. — Без документов.

— Мы их всё равно уже отдали.

— Отлично. Даже повода не будет.

Я согласилась слишком быстро и попыталась исправить это обстоятельным рассказом о времени закрытия. Лев слушал серьёзно, только уголок рта дёргался.

Перед уходом он забрал бумажный пакет для отца.

— Скажи ему… — начала я и замолчала.

Лев подождал.

— Просто булочки. Вчерашние. За сегодняшние Вера велела брать деньги.

Он кивнул так, будто я сказала именно то, что собиралась.

Когда пришёл сантехник, оказалось, что дело вообще не в прокладке. Он достал из трубы металлический обломок и прочитал мне лекцию о качестве воды. Я слушала, держа телефон подальше от мокрой раковины.

Сообщение Сони пришло через Марину: «Я сама завтра напишу. И прости за этот квест».

Я ответила: «Ты жива, остальное потом».

Потом стёрла последнее слово и написала: «Когда будешь готова».

7. Праздничный двор

Со стороны улицы типография была почти целой. Высокие окна, сколотые буквы над входом, лестница с каменными шарами. Только если обойти её сбоку, можно было увидеть сгоревшее крыло: чёрные зубья балок и плёнку вместо крыши.

Я успела к концу встречи. Смену приняла мама — неожиданно предложила сама, прочитав мои сообщения про Соню. Она сказала, что два часа может продавать чай без лабораторного образования.

Во дворе расставили белые стулья. Половина пустовала. Лидия Ветрова стояла у стенда с изображением обновлённого квартала и держала микрофон обеими руками, как свечу.

— Мы понимаем привязанность людей к месту, — говорила она. — Но безопасность важнее привычки.

У ограды Рая Никитична пыталась задать вопрос. Её не слышали: микрофон был один, и до неё он никак не доходил.

Я подошла к Вере. Она записывала на телефон выступление.

— Не спорь из толпы, — шепнула она. — Дай ей закончить.

Лидия увидела меня и улыбнулась с прежней теплотой. Когда мы с Артёмом были вместе, она запоминала, какой чай я пью, и могла спросить об экзамене через месяц после разговора. Мне до сих пор было трудно совместить эту внимательность с чужими подписями.

— У нас есть обращения от большинства собственников, — сказала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.